

Григорий ЦИТРИНЯК

Каюсь, никогда не понимал, почему — по сложившейся странной традиции — ушедших от нас хороших людей принято печатно вспоминать лишь во времена юбилеев, обычно круглых. Зачем надо ждать того, что на языке газетчиков зовется информационным поводом? Почему тех, кто сеял разумное, доброе, вечное, не вспоминать в любой день недели?

...От Раневской я уходил поздно. Провожая, она сказала:

— Теперь, как честный человек, вы должны на мне жениться...

Потом я узнал, что эту шутку она не раз повторяла и другим...

В конце 1970-го к 70-летию кинорежиссера Михаила Ромма я готовил о нем «портрет десятью перьями» и разговаривал со многими, кто его знал; позвонил и Фаине Георгиевне, представился.

— Я читаю «Литературную газету», — сказала она. — У вас знакомая фамилия — это не вы писали диалог? — и назвала недавно опубликованный разговор двух знаменитых режиссеров.

(Чтобы следующая фраза актрисы была понятна сегодняшнему читателю: тогда Советский Союз запустил спутник, названный Луноходом, который попал в Море Ясности).

— Не я...

— Слава Богу, что не вы.

— Вам не понравилось?

— Это два мушкетера в Море Ясности! — (Прошу прощения, но так было сказано. — Г.Ц.) — Ну, тогда приезжайте.

23 ноября я приехал. Как обычно, достал диктофон и фотоаппарат, приготовился записывать и снимать. Раневская молча смотрела и, когда приготовления закончились, сказала:

— Убирайте: записывать и снимать не будем. О Ромме сама напишу, — и действительно через неделю обещанную страничку прислала. — А сейчас я вас угощу лучшим, что есть на свете, — пирожками с капустой. Но мне самой их есть нельзя... Диабет, — и повела на кухню.

Пирожки в самом деле оказались вкусными, но мне было не до них: шутка ли, великая актриса — и нельзя включить диктофон, нельзя фотографировать. От расстройства я запомнил всего несколько фраз, которые, вернувшись домой, сразу записал:

— Это ужасно: я иногда прихожу с карманами, полными чеков, потому что забыла взять покупки. И самое ужасное, что не помню, в каком магазине какой чек выбивала...

— Продам всю мебель, куплю табуреты — я ведь старая хипа...

— Он ходит ко мне и ходит, все спрашивает, а выгнать неудобно. Такой втируша...

Фаина Георгиевна спросила, как живут журналисты, сколько получают; о себе сказала, что получает 350 рублей в месяц. Я ответил и, как пример, рассказал, что корреспондент журнала «Советский экран» брал интервью у одной знаменитости, которой по ошибке выписали весь гонорар — 30 рублей; народный артист взял себе из них половину.

— Половину? — ужаснулась Раневская. — Неужели взял?! Я была у него на даче — она вся в статуях!

Поговорили еще немного, и Фаина Георгиевна сказала:

— Завтра должна прийти подруга, мне надо купить торт. Вы не можете? Гастроном тут, под домом.

В магазине приключилась такая сцена. У молодой продавщицы выстроилась очередь справа от прилавка, Раневская подошла слева и поскребла по стеклу:

— Милочка!

— В очередь! — отозвалась продавщица, не поворачиваясь.

Раневская поскребла опять:

— Милочка!

— Я сказала: в очередь! — крикну-

ФАИНА РАНЕВСКАЯ: «Надо что-то доделать...»

15 лет назад — 19 июля 1984-го — не стало великой актрисы...

Комедия «Подкидыш»

Кинофильм «Мечта»

ла девушка, повернулась — и узнала: — Ой, Раневская!

Очередь была забыта, тут же объявились несколько тортов, но ни один актрисе не понравился:

— Поедьте в «Москву» — там выбор больше.

Около кинотеатра «Иллюзион» стали ловить такси. Делала это Фаина Георгиевна так. Когда проезжала какая-то автомашина, она вытягивала правый кулак с оттопыренным большим пальцем и — высоким голосом:

— Левак! — потом поворачивала рукоятку конструкции большим пальцем к земле и — почти басом:

— Стой!

Наконец, такси остановилось, мы сели, доехали до гостиницы «Москва».

— Сколько? — спросил я.

— Я вас узнал, — улыбаясь, сказал шофер Раневской, повернулся ко мне:

— Нисколько, — и выключил счетчик.

В гастрономе нужный торт нашлся. Но когда шли к выходу, актрису узнали, и сразу образовалась толпа восхищенных зрителей; что произошло дальше — понятно. Такси у гостиницы — не проблема, было уже темно, и водитель Раневскую не узнал.

Опять пили чай. Я пытался что-то рассказывать, пока не заметил, что Фаина Георгиевна не слушает; тогда замолчал. После долгой паузы она сказала:

— Мне надоело жить — это уже неинтересно... И все мне кажется, что надо что-то доделать...

— Что? — спросил я.

— ...Сама не знаю. Но что-то надо доделать... — вдруг настроение у нее переменялось. — Домработница вчера пришла из магазина, доложила, что купила, потом вернулась и добавила: — Да, чуть не забыла: у четвергь конец света.

Потом оказалось, что и эти слова она многим передавала.

А проводя меня, Фаина Георгиевна сказала ту фразу, которую я привел вначале.

...Как-то я пришел навестить Ростислава Яновича Плятта: он вышел на костылях.

— Вы подумайте, — сказал он, — Раневская звонила в больницу: «К вам вчера привезли больного. Как ему позвонить?» — Сестра спросила: «Я узнаю, в каком он отделении. А что с ним?» — Знаете, что ответила Фаина? «У него, кажется, сломана шейка матки...» Сестру от смеха чуть кондрашка нехватила. А у меня сломана шейка бедра...

Об остротах великой актрисы ходит великое множество рассказов, вот еще один, малоизвестный — Никиты Владимировича Богословского. Фаина Георгиевна однажды сказала ему:

— Моя сексуальная жизнь продолжается вечерами я слышу, как за стеной сосед трахает соседку.

В недавних воспоминаниях я прочитал, что Раневская говорила Зиновию Паперному: «Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!» А мне она сказала иначе:

— Я — старый человек. Я ведь родилась еще в прошлом веке и помню время, когда мужчины уступали дамам место в трамвае...

Р.С. Здесь возникает проблема. На следующий же день, поговорив с коллегами, я узнал, что Раневская никогда и никому не разрешает записывать себя на магнитную ленту, никогда и никому не разрешает снимать себя (всего два-три случая за всю ее жизнь, но на то каждый раз был особый резон). Конечно, незаметно сфотографировать сидящего с тобой в одной комнате человека обычной камерой невозможно. Даже «шпионской» камерой с боковым объективом, какой Илья Эренбург снимал в Соединенных Штатах. Но тайком включить в кармане или в сумке бесшумно работающий диктофон и сохранить для потомков слова великой и мудрой актрисы — вполне. Сразу память, как на экране монитора, высвечивает великое множество примеров. Знали бы мы Кафку, если бы друг выполнил его последнюю волю — уничтожил рукописи? Остался бы великодушный профессиональный разговор с Дмитрием Шостаковичем, если бы Геннадий Рождественский без разрешения не записал слова гения? И т.д. Думаю, разговор с Раневской надо было записать. Но очень хорошо знаю, что, повторив подобную мизансцену, я, не спросив, диктофон опять бы не включил. Такой вот парадокс...

20.7.99

Раневская Фаина Георгиевна